

К. В. ЧИСТОВ

РОЛЬ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА КАРЕЛИИ В РУССКОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

В дни двадцатипятилетия республики карело-финский народ с законной гордостью подводит славные итоги своего политического, экономического и культурного развития.

Необычайный расцвет производительных сил, превращение глухой Олонии в Карело-Финскую ССР — страну быстро развивающейся промышленности — сопровождалась широчайшей культурной революцией, совершенной народами республики при постоянной поддержке великого русского народа, под руководством партии Ленина—Сталина.

Вспоминая прошлое и радостно присматриваясь к настоящему, мы все больше и больше познаем материальные и духовные богатства республики.

Среди духовных богатств ее важное место занимало и занимает устное народное творчество народов — карел, финнов, вепсов и русских, населяющих республику.

Русское устное народное творчество Карелии дало замечательные образцы глубоконародных, высокохудожественных произведений. На лучших достижениях местной традиции воспитывались замечательные мастера русского фольклора в Карелии XIX и XX вв. — Рябинин, Федосова, Прохоров, Касьянов, Богданова-Зиновьева, Щеголенок, сказители советского времени — Конашков, Коргуев, Господарев, Пашкова, Фофанов и др.

Лучшие творения этих мастеров обеспечили русскому фольклору Карелии всемирную славу. Слава эта стала особенно значительной в советское время благодаря постоянному вниманию и заботе к народным талантам со стороны партии и правительства, всей нашей советской общественности, в условиях массовых изданий книг по фольклору и постоянной популяризации народного творчества через радио, газету, кино.

В советское время собирание и изучение устного народного творчества приобрело необычайный размах. Созданы организации, специально занимающиеся собиранием, изданием и изучением произведений многонационального фольклора народов СССР.

Советские фольклористы в борьбе с антинародными «теориями» буржуазной фольклористики проделали колоссальную работу, позволяющую теперь правильно понять природу историко-фольклорного процесса в ее основных чертах.

В советское время в условиях огромного культурного роста народа в стремительном темпе уничтожается многовековое противостояние литературы и фольклора: литература стала общенародным достоянием; советский фольклор, знаменующий собой качественно новую ступень развития русского фольклора, стал неотъемлемой частью советской литературы. У писателей и сказителей единые общественные идеалы, одна цель, хотя подчас еще разные средства ее достижения.

Морально-политическое единство нашего народа, отсутствие антагонистических классов в нашей стране, привели к созданию социалистической по содержанию единой общенародной культуры, единой культуры художественного слова.

Для правильного понимания этого процесса, имеющего большое историко-культурное значение, надо со всей четкостью определить роль и место устного народного творчества в художественной культуре народов Советского Союза.

Если же мы имеем в виду русское устное народное творчество в Карелии, то прежде всего необходимо уяснить его роль в общерусской фольклорной традиции. Следовательно, тему «Роль русского фольклора Карелии в русском народном творчестве» я рассматриваю, как подход к более широкой теме, трактующей роль русского фольклора, т. е. художественного творчества трудовых масс в истории русской культуры.

Научное решение этого вопроса вырастает в методологически сложную и в теоретическом отношении чрезвычайно важную проблему.

Значительно проще решается, например, вопрос о роли русского фольклора Карелии в истории русской фольклористики, русской литературы, музыки, изобразительного искусства. Исследование этой стороны нашей проблемы тоже еще только началось, но здесь уже известно многое.

Известны, например, факты, позволяющие утверждать ведущую роль олонечских текстов в истории русской фольклористики, значительность влияния русского фольклора Карелии на развитие русской литературы, музыки и изобразительного искусства.

Достаточно вспомнить имя Некрасова, щедро черпавшего поэтический материал из сборников Рыбникова и Барсова; Горького, оставившего два замечательных очерка об олонечкой сказительнице И. А. Федосовой; Льва Толстого, написавшего ряд «Народных рассказов» после встречи с В. П. Щеголенком из заонежской деревни Боярщина; Римского-Корсакова, давшего блестящие примеры творческого использования как олонечских текстов, так и олонечских напевов в операх и симфониях («Садко», «Царская невеста», «Псковитянка» и др.); Мусоргского, воспользовавшегося рябининским былинным напевом для песни Варлаама в «Борисе Годунове»; Балакирева, Кюи, Вильбоа, обработавших народные напевы, записанные от русских песенников Карелии; Васнецова, давшего классические живописные образы богатырей; Репина, нарисовавшего портрет Щеголенка, и многих других.

Значительный след в истории русской культуры оставили многочисленные выступления во второй половине XIX и в XX вв. олонечских сказителей во многих городах России — Рябининих Трофима Григорье-

вича и Ивана Трофимовича (в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе), Федосовой (в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Казани), Касьянова, Калинина, Щеголенка и др.

В советское время эти выезды приобретают невиданный размах и систематичность; помногу раз выезжают Богданова, Коргуев, Господарев, Конашков, Рябинин-Андреев, Пашкова, Фофанов и многие другие. Регулярные республиканские и всесоюзные конференции сказителей, публичные выступления их по радио — все это в равной мере способствовало и способствует постоянному увеличению вклада русских сказителей Карелии в сокровищницу русской художественной культуры.

Возможность разработки темы «Роль русского фольклора Карелии в русском народном творчестве» основывается на убеждении в том, что русские сказители Карелии (при этом я в первую очередь имею в виду т. н. Прионежье) были своеобразным и самостоятельным, единым отрядом русских сказителей, объединенных общей исторической судьбой, приведшей к выработке единой традиции. Это не значит, конечно, что русские сказители Карелии были изолированы от сказителей других русских областей, прежде всего, других областей русского Севера, иначе сама постановка темы была бы невозможной. Это не значит также, что внутри этой прионежской традиции не было вполне своеобразных групп. Они существуют и были, но это совершенно не снимает вопроса о существовании прионежского единства традиции.

Должен заранее предупредить, что я не претендую на исчерпывающую разработку поставленной темы (это под силу только большому коллективу фольклористов). Моя задача скромнее, — она будет выполнена, если я намечу хотя бы общие контуры такой разработки. При этом я буду широко пользоваться исследованиями русского фольклора Карелии, дающими материал для настоящей темы.

В силу целого ряда исторических причин (детальный анализ которых вывел бы нас за пределы поставленной темы) фольклорная традиция Карелии оказалась одной из сильнейших, одной из наиболее устойчивых и плодотворных.

Основные из этих причин: 1) интенсивность культурных, торговых и административных связей Карелии со старыми центрами русской культуры, прежде всего Новгородом, до конца XVII в., т. е. как раз в пору идеологического и жанрового оформления русского эпоса. Вместе с эпосом в эту пору активно развиваются и другие виды народного искусства — вышивка, резьба, деревянная архитектура и т. д.; 2) пограничное, «порубежное» положение Карелии, активное участие народных масс Карелии, особенно в названную пору, в борьбе с иноземным врагом должны были сделать основные идеи русского эпоса близкими каждому крестьянину Карелии. Знаменателен в этом отношении успех русского эпоса среди иноязычных карел на территории Карелии; 3) своеобразное развитие Карелии после конца XVII в. — начала XVIII в., которое характеризуется, с одной стороны, отдаленностью Карелии от основных культурных центров страны, и с другой, — продолжением самобытного развития крестьянской поэтической культуры; 4) отсутствие поместной формы крепостного права в Карелии создавало подчас более тяжелые формы эксплуатации, но сохраняло некоторую иллюзию юридической и экономической самостоятельности. Нет сомнения в том, что в центральных областях России личная крепостная зависимость крестьян от помещиков сыграла отрицательную роль в исто-

рии русского творчества; 5) специфические природные условия и специфические артельные формы труда (артельное рыболовство, зверобойный промысел, лесные работы и т. д.).

Эти же специфические особенности исторического развития Карелии обусловили и роль русского фольклора Карелии в русском народном творчестве.

Буржуазная фольклористика не отрицала достижений русского фольклора Карелии, но сводила их при этом к заслуге сохранения старинного культурного наследия, совершенно игнорируя (за исключением работ Н. Васильева и некоторых замечаний в последних работах Вс. Миллера) проблему творческой роли сказителей русского Севера, в том числе и Карелии, в истории русского фольклора.

Обратимся прежде всего к былинам.

Действительно, русская фольклористика впервые познакомилась с былинами по записям из б. Олонецкой губернии, по записям Рыбникова, Барсова, Гильфердинга, Шайжина и др. По подсчету Лободы (см. «Русский богатырский эпос»), к 1896 г. было известно 464 записи вариантов былин, из них около 300 из Олонецкой губ., причем Лобода не считал повторные записи Гильфердинга, собиравшего через 10—15 лет после Рыбникова. Следует отметить, что при этом значение олонечких текстов не определялось количеством записей.

Записи из других районов (за исключением Архангельского Севера) были отрывочны и бедны, и, таким образом, не могли выдержать никакого сравнения с целостными и разнообразно разработанными текстами Прионежья. С блестящими по своей идеологической остроте текстами Рябининых, Касьянова, Прохорова, Сорокина, Федосовой, Богдановой, Пашковой, Фофанова, Конашкова не только в то время, но и до настоящего времени не могут конкурировать записи из других районов.

Русские сказители Карелии донесли до наших дней замечательные образцы былин, наиболее четкие и ясные, наиболее выдержанные в композиционном и стилевом отношении. Особенно замечательна в прионежских былинах отчетливость социально-исторических образов. Так, например, в Прионежье были записаны лучшие варианты сюжетов, отразивших новгородские общественные отношения — Садко, Василий Буслаевич, Хотен и др.

В записях от русских сказителей Карелии известны своеобразные, не повторяющиеся в других районах России, обработки сюжетов: Василий Игнатьевич, Добрыня и Змей, Илья и Идолище, Илья Муромец и сын, Дюк Степанович, Наезд литовцев, Потык, былина-баллада «Братья разбойники и сестра» и др. (см. А. М. Астахова «Русский былинный эпос на Севере»).

Такие качества прионежской традиции обеспечивали мощное влияние, которое оказывали русские сказители Карелии на устное творчество других, прежде всего соседних областей.

Торговый путь из Новгорода в Белое море и обратно шел через Онежское озеро (а позже и из Московских областей через Белое озеро и затем также до Белого моря) и обслуживался прежде всего олончанами, давал им возможность постоянных встреч с представителями фольклорных традиций других областей.

Позже (в XVII, XVIII и XIX вв.) развитие Шуньгской ярмарки, бывшей центром товарообмена на русском и карело-финском Севере, давало регулярные возможности таких встреч. Олончане ходили с това-

рами (соль, железо, меха, рыба) в Новгород, Москву, Тихвин, Архангельск; кижские ножи были известны всей России. Упоминания о них мы находим не только в документах по истории названных выше ярмарок и торговых рядков, о них пишет, например, в 1646 г. Устькутская (Якутия) Таможенная книга¹.

Олончане постоянно встречались с представителями других областей русского Севера на рыболовных и зверобойных промыслах в Белом море и Ледовитом океане (Кеды, Мурманский и Терский берега и т. д.).

В XVIII—XIX вв. с усилением классового расслоения карельской деревни прионежцы массами уходят на заработки, распыляясь по всей центральной России, доходя даже до пределов Украины. Все это уже неоднократно отмечалось в работах, посвященных русскому фольклору Карелии, и, безусловно, достойно дальнейшего изучения и популяризации.

В первую очередь необходимо продолжение подобного рода изучения, выясняющего специфику прионежской традиции в области сказок, песен (особенно исторических и балладных) и других крупнейших жанров русского фольклора. Однако одно такое статическое сравнительное изучение не приведет еще к желаемым результатам.

Для того, чтобы правильно осознать роль русского фольклора Карелии в общерусском народном творчестве, нужно выяснить в первую очередь, в каком направлении развивалось творчество русских сказителей Карелии, какие тенденции осуществлялись их соединенными усилиями и какое значение эти тенденции имели в истории русского фольклора. Исчерпать эту тему до конца можно будет только после выполнения целой серии монографических исследований процессов, происходивших в пределах отдельных жанров.

До сих пор больше всего сделано в этом направлении фольклористами, изучающими былины, и, в первую очередь, проф. Астаховой, проведшей огромную текстологическую работу, дающую ценный материал для дальнейших исследований.

Отдельные, чрезвычайно ценные наблюдения рассыпаны по сборникам, изданным в Карелии в последние годы (Нечаева, Новикова, Соймонова, Базанова и др.).

Дружными усилиями советских фольклористов неопровержимо доказан творческий характер процессов, развивавшихся в народном творчестве в XVIII, XIX и XX вв.

Необходимо обобщить отдельные наблюдения, выяснить характер этих творческих процессов, их смысл и направленность.

* * *

Развитие крестьянской идеологии в XIX и XX вв., особенно в пореформенный и предреволюционный период, характеризуется постепенным, но явственным обострением социального самосознания, постепенным подходом к сознательному определению своей исторической роли, своих друзей и врагов, своего места в современном обществе. «...Века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения, — писал Ленин, — накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости»².

¹ Крепостная мануфактура в России, ч. II. Олонецкие медные и железные заводы, стр. XII.

² Ленин. Соч., т. XV, стр. 183.

Революционизирование широких слоев крестьян в предреволюционные десятилетия дало возможность значительным его массам пойти в 1917 году и после Великой Октябрьской революции за пролетариатом, отказаться от собственнических устремлений, стать передовым колхозным крестьянством, каким мы его знаем теперь.

В устном народном творчестве идеологическая эволюция крестьянства, а затем и его социальная трансформация, получили свое специфическое выражение в процессе вызревания элементов реалистического художественного мышления, перерастания наивного реализма в реалистическую систему. Этот процесс начался давно, но он заканчивается лишь в наши дни, когда дальнейшее развитие фольклора происходит в теснейшем контакте с традицией советской литературы, вставшей на путь социалистического реализма. Совершенно так же, как литература прежде чем она подошла к созданию законченной системы социалистического реализма, должна была проделать колоссальный путь, должна была в числе прочих фактов, влиявших на ее развитие, испытать и длительное воздействие фольклора (от Пушкина до Горького), устное народное творчество должно было претерпеть значительную эволюцию, прежде чем пришло к возможности активного восприятия книжной традиции, пришло к возможности слияния с другим великим потоком художественной культуры на равных началах.

Этот процесс заметно убыстряется к началу XX в., а в советское время приобретает бурный темп, приводит к коренным преобразованиям самой основы художественной системы устного народного творчества.

Русские сказители Карелии приняли деятельнейшее участие в этом движении к художественному реализму, более того, они были и в значительной мере остаются ведущим отрядом русских сказителей.

Присмотримся к этому процессу более внимательно. Идеологическая эволюция крестьянства во второй половине XIX в. и в начале XX в. получает свое многостороннее и яркое выражение в устном народном творчестве. Прежде всего это сказывается в резком усилении остроты социального мышления и в быстром нарастании элементов протеста.

Советским фольклористам, дорожащим этими драгоценными документами революционизирования русского крестьянства, приходится преодолевать немалые препятствия.

«Разумеется, — говорил А. М. Горький, — песни эти прошли цензуру и редакцию господ, которые вытравляли из них меткое гневное слово, вытравляли живую мысль и все, что пел, что мыслил крестьянин о своей трагической рабской жизни»¹.

Но даже по доступным нам записям отчетливо видно, как стихия социального осмысления врывается в мир сказки и былины, деформирует сказочные образы, наполняет привычные традиционные схемы новым содержанием, полным жизни и борьбы.

В былинах это сказалось, прежде всего, в длительном, но властном процессе циклизации большого количества сюжетов вокруг фигуры Ильи Муромца, ставшего главным и идеальным героем русского эпоса. Чрезвычайно важно при этом, что Илья Муромец, идеальный народный герой, социально определен, — он крестьянин, «крестьянский сын» и первый подвиг, совершенный им, — помощь родителям на поле. Эти черты Ильи Муромца приобрел не сразу — ранние записи в большин-

¹ М. Горький. На краю земли. Кар.-Мурм. край, 1930, № 2, стр. 18—23.

стве своем не называют его крестьянином, он еще просто житель города «Мурома» (Морова).

Даже в сюжете «Исцеление Ильи Муромца», сравнительно поздно (по датировке Вс. Миллера в XVI—XVII вв.) вошедшем в основной цикл сюжетов об Илье, в ранних записях он не называется крестьянином. Илья Муромец, беззаветно служащий родине, защитник всех слабых и обездоленных, могучий и справедливый богатырь, атаман русских богатырей. Став крестьянином, он превращается в силу, противопоставленную не только врагам извне, он постоянно контрастирует с Владимиром и его окружением — боярами, он постоянно берет над ними верх. С особенной резкостью это проявляется в былине «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром».

Как следует из материалов, собранных проф. Астаховой в книге «Русский былинный эпос на Севере», крупнейшей заслугой русских сказителей Карелии было настойчивое и последовательное культивирование крестьянских черт Ильи Муромца — антагониста князей и бояр. Не случайно лучшие варианты былины о ссоре Ильи Муромца с кн. Владимиром записаны от современных пудожских сказителей Ф. А. Ко-нашкова и А. М. Пашковой. Они как бы подводят итоги этому длительному процессу.

Особенно значителен в этом смысле вариант Пашковой. «В противопоставлении богатыря князю и боярам она идет дальше других сказителей (ср. Гильф., I, № 47; II, № 76); разгневанный Илья не просто пьет с гостями в кабаке, а устраивает свой «почестен пир», на который приглашает, кроме голей кабацких, «бедноту деревенскую», «лапотников», «балахонников». Близость богатыря к массам, его связь с нищетою бедняцкой, неоднократно подчеркивается в былине. Встревоженный князь видит «в трубочку подозрную», что «Илья с беднотой да угощается»; об этом же говорит Илья, обращаясь к Добрыне:

Не зазывал я не князей — бояр,
А собрал-то всех да бедноту-крестьян,
Всех-то я голей кабацких»¹.

В записи от Амосова из Заонежья эта былина кончается полной победой Ильи. Владимир-князь со страха забирается под печку:

Да не спасенье под печкой под кирпичной,
Тут Илья Муромец столечик отдергивал,
Снял золоты клочки:
«Завтра сам буду править княжеством»

(Запись М. Б. Каминской и Н. И. Тяпкиной, 1932 г.).

В другой былине — «Илья Муромец и Соловей-разбойник» — Владимир не верит Муромцу, что он приехал «дорожкой прямоезжей», по которой раньше ни «зверь не прорыскивал», ни «птица не пролетала», на которой разбойничает «Соловей-разбойник Одохмантьев сын», именно потому, что он мужичище-деревенщина (Гильф., № 75, Былины Пудожского края, стр. 95). Бояре надсмехаются над Ильей, но Илья заставляет Соловья свистеть и «толстобрюхие бояре» просят Илью не губить их, оставить их «хоть на симена».

¹ Соймонов и Парилова. Былины Пудожского края, стр. 463.

А Владимир-князь да стольно-киевский,
А он по двору да в круги бегаёт.
Купней шубкою да укрывается.

(П. И. Рябинин-Андреев).

Особенно подчеркнут социальный облик Ильи Муромца в былине Чванова из Заонежья:

Я не купецкий сын — сын крестьянина
Сын крестьянина — не богатого,
Не богатого, а бедного.

(Былины Севера, т. II).

В равной степени русские сказители Карелии сыграли ведущую роль в социальном осмыслении Микулы Селяниновича, трех братьев из былины «Кострюк», победившего иноземного богатыря, заместивших в борьбе с ним отсутствующих русских богатырей (Былины Пудожского края, стр. 257), и некоторых других богатырей.

Одновременно с идеализацией богатырей-крестьян шло снижение образов Владимира, бояр, Алеши Поповича, осознанного именно поповичем.

Большинство исследователей подчеркивало резкое снижение, окариатуривание облика князя Владимира, как один из наиболее характерных признаков Прионежской традиции. Владимир жесток и не справедлив к Илье Муромцу, он беспощаден и труслив при приближении врага к Киеву (Калин, Батыга и т. д.), он играет незавидную роль и в новеллистических сюжетах. Так, например, в былине «Добрыня и Алеша» он то интригой (Гильф., № 107), то прямым насилием (Гильф., № 198), то обманом (Гильф., № 65) заставляет жену Добрыни выйти за Алешу Поповича. В некоторых вариантах (Гильф., № 206, 211) Владимир ради достижения цели той же интриги даже злоупотребляет государственной властью, издает «указы грозные», «манифесты немилосливы»: «Не держать бы жен безмужних, не держать удовок беспашпортных».

Добрыня возвращается домой и, обнаружив обман, говорит Владимиру:

Ай же, Владимир, столен-киевский,
Я служил тебе как верой правдою,
А ты ведь сделал дело доброе:
Молоду Настасью Микуличну
А силою берешь ты великою,
Ты прощай меня нынъ-ка, — Владимир князь.

(Гильф., № 65).

Как мы видим, сказителей все больше интересует не только сам факт подвига, но и реальные социальные взаимоотношения героев в процессе его совершения. Происходит разработка и шлифовка социальных характеристик основных образов.

Одновременно процесс социальной конкретизации образов приводит к обострению социальных контрастов (противопоставлений) и, следовательно, к выработке социально определенных, социально осознанных идей. Крестьянское сознание находит врагов Ильи Муромца не только в полчищах татар, угрожающих Киеву, но и в самом Киеве — это Владимир и его окружение. Ярчайший пример этого я уже приводил — былина о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром. Это уже под-

ход к классово осознанному искусству. Значительностью участия русских сказителей Карелии в этом процессе и определяется их роль в общерусском эпическом творчестве новейшего периода. Оговорюсь: к вопросам нового, советского эпоса, вырастающего на основе традиционного, мы вернемся специально.

С особенной силой процесс конкретизации социального мышления проявляется в сказке. Исключительно обильный материал дают нам в этом отношении записи советского времени (сборники Коргуева¹, Господарева², «Сказки и песни на Онежском заводе» и др.). Острота социальной трактовки традиционной сказки проявляется не только в частностях, напр., в сказке Коргуева «Иван Несчастный» (№ 25) нечистая сила выступает в образах десятого, сотского и урядника (см. стр. 536), в сказке «Три лебедя» купец становится купцом после грабежа; в сказке Паикачевой «Счастье» (запись Цейтлина³) злой любовник матери, преследующий детей, приобретает социальную характеристику, неизвестную по другим вариантам, — это дьячок и т. д., но она выступает подчас в качестве силы, трансформирующей привычные сказочные образы. Так, например, сказка Коргуева «Как купеческий сын прожил отцовский капитал», казалось бы, воспроизводит традиционную схему сказки «Неумойка» (договор с чортом), однако, своеобразное социальное осмысление основного героя (не солдат, а купеческий сын) деформирует основную сюжетную коллизию — купец, поступив к чорту в работники, не раздает деньги бедным, как делал это, например, солдат в варианте Афанасьева (II, 638—639), а наоборот, старается разбогатеть, приобретает с помощью волшебных карт деньги, дома, магазины, корабли, игорный клуб и даже одежду и трех дочерей купца. Это сообщает сказке большую социальную остроту. Обогащенная рядом новых эпизодов, она превращается из сказки о бесшабашном солдате в социальную сатиру — сатиру на купца.

Традиционный образ «Доли» в сказке Коргуева «Север (Сапогискориходы)» осмысливается аллегорически — богатый становится богатым, потому что он работает не сам, а заставляет работать на себя других. Его доля — аллегорическое изображение батраков, приносящих богатому счастье (см. стр. 211).

В сказке «Лани» (№ 20) дети бегут не от злой мачехи, как обычно, а, наоборот, родители советуют детям бежать, чтобы избавиться от притеснений богатого дяди.

В известной коргуевской сказке «Шкип» (№ 3) герой в заключительном эпизоде принципиально отказывается жениться на царевне и женится на крестьянской дочери.

Особенной социальной напряженностью отличаются тексты двух крупнейших русских сказителей Карелии — И. А. Федосовой и Ф. П. Господарева, и в этом они не имеют равных в истории русского фольклора. Чрезвычайно важно, что творения Федосовой и Господарева отражают особенно знаменательные моменты истории русского крестьянства новейшего времени.

Федосова художественно обобщила и выразила умонастроение олонецкого крестьянства середины 60-х годов прошлого столетия, т. е.

¹ Сказки Карельского Беломорья. Т. I. П. Сказки М. М. Коргуева. Запись, вступительная статья и примечания А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939.

² Сказки Ф. П. Господарева. Сост. Н. В. Новиков. Петрозаводск, 1941.

³ Известия Архангельского общества изучения русского Севера, 1911, № 8, стр. 190—193.

в момент, который В. И. Ленин называл «революционной ситуацией 60-х годов прошлого века», ситуацией, при которой Чернышевский ждал революции в 1865 г. (роман «Что делать?»).

В «Легенде о происхождении героя на земле» Федосова прямо называет причину крестьянских несчастий — это «власти-судьи неправосудные», которые разоряют крестьян «до последней лапотиночки».

Злокоманно их ретливое сердечушко
Точно лед как во синем море;
Никуды от их злодеев не укроешься
Во темных лесах найдут они дремучих,
Все доищутся в горах они высоких,
Доберутся ведь во матушке сырой земле;
Во конец оны крестьян всех разоряют.

Она замечательно правдиво рисует картину выколачивания податей мировым посредником. Вступившийся за крестьян староста замучен посредником в тюрьме. Красной нитью через все творчество Федосовой проходит энергичное возмущение жестоким глумлением над крестьянским несчастьем, которое позволяет себе потерявшее человеческий облик «начальство».

Фатально действующая Горе-Доля социально конкретизирована, социальный враг указан Федосовой. Это — последняя стадия патриархального фатализма, от которой крестьяне освобождаются в основном в период с 1861 по 1905—1907 гг. Протест Федосовой энергичен, но он выражен еще в форме причитания, как это подчеркивал Ленин, давший высокую оценку федосовских текстов.

Вы падите-тко, горячи мои слезушки,
Вы не на воду падите-тко, не на землю,
Не на божью вы церковь, на строеньице,
Вы падите-тко, горячи мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже, господи,
Штобы тлен пришел на цветно его платьице,
Как безумице во буйну бы головушку!
Еще дай да, боже, господи,
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумных!

Она еще верит в возможность исправления положения. «Хороший царь» заступится,

Кабы видели цари да со царичами

.....
Про несчастную бы жизнь нашу крестьянскую...

Господарев же, основным своим репертуаром отразивший идеологию революционного крестьянства 1905 г., далек уже от этих иллюзий. Его сказки — отзвук боевых настроений, чаяний и надежд крестьянства перед революцией 1905 года. Но Господарев не только крестьянин. Став рабочим Онежского завода, он продолжал углублять социальное переосмысление героев своих сказок.

«Вместе со своим народом, — пишет Н. В. Новиков во вступительной статье, — сказочник негодует на класс тунеядцев: царей, помещиков, духовенство. Он мучительно ищет пути и героев освобождения». «В его сказках чувствуется полная осознанность паразитизма эксплуататоров» (стр. 24). Например, в сказке «Государский сын» крестьянин

с чувством собственного достоинства заявляет: «Если бы я эту работу не работал, то мы б все с голоду сдохли, не носил бы ты (т. е. государский сын) такого пиджака на себе».

В сказке «Про глупого Омелью» волшебная дубинка опускается на спины собственников и их защитников.

Большая группа сказок Господарева — «Княгиня», «Барин-драчун», «Солдатские сыны», «Девочка-семилетка», «Солдат Данила», «Про золотое яичко» и др. объединяются ясно и остро выраженной антипомещичьей темой. «Герои в них не только глумятся и издеваются над глупыми, трусливыми барями, но, негодуя, решительно и смело вступают в открытую непримиримую борьбу с ними» (стр. 25). Господарев — мастер социальной сатиры. Он дает образцы замечательно умелого использования традиции в этих целях. Сатира на царей («Шут Балакирев», «Государский сын» и др.), сатира на помещиков и сатира на духовенство («Купец и поп», «Поп и работник», «Про цыгана и про попа» и др.) — по этим трем линиям развивается творчество замечательного сказочника.

Богатырская сила используется в его сказках не просто ради удалства, а как средство социальной расплаты (см. сказку «Солдатские сыны»). Даже традиционный мотив «неверной жены» в сказке «Об золотом кольце» оказывается выросшим из социального неравенства супругов.

Уместно подчеркнуть, что сказки Господарева в этом отношении не представляют исключения. И. В. Карнаухова, исследовавшая северные варианты этого сюжета, отмечает распространенность такой трактовки мотива «неверной жены» в Прионежье¹.

Неожиданно и оригинально заканчивается сказка Господарева «Про золотое яичко» (№ 12). Народ участвует в «выборах» нового царя. Избранный царь создает такой порядок в государстве, при котором «помещики и не стали драть и на работу гнать. Стали жить они, веселиться и стало всего много» (стр. 267).

* * *

Выработка социально-конкретного мышления не только чрезвычайно важный, но и ведущий признак вызревания элементов реалистического художественного мышления в устном народном творчестве. В непосредственной связи с ним вырабатываются и развиваются и другие категории образного мышления, совокупность которых трансформирует, как мы уже говорили, саму основу народной поэтики. Социальная конкретизация сопровождалась медленным, но широким по своему охвату процессом, который я бы назвал «конкретизацией обобщенного». Мир быliny, сказки и песни, реалистический по своей природе, был, тем не менее, предельно обобщенным, он был мало похож на тот мир, который окружал сказителя. Выражая в высокохудожественной форме народные идеалы, он был чрезвычайно идеализированным. Это был реализм, но реализм наивный по своему существу. Реалистические системы — идет ли речь о реализме XIX века или о социалистическом реализме — завоевали иные, более высокие формы обобщений, научились выражать обобщение типичное в конкретной, единичной форме.

¹ И. В. Карнаухова. Сказки и предания Сев. края, 1934, стр. 421.

Как бы ни была высока степень обобщения лучших качеств советской молодежи в образе Олега Кошевого в «Молодой гвардии» Фадеева, — Олег Кошевой наделен индивидуальными чертами; не случайно Фадеев счел возможным сохранить в романе действительное имя своего героя. Как бы ни был типичен город, в котором действуют герои «Непокоренных» Горбатова, он остается городом, который легко отыскивается на карте.

Если внимательно приглядеться к процессам, происходящим в русском фольклоре второй половины XIX в. и в XX в., мы увидим совершенно отчетливые тенденции к выработке аналогичных приемов «конкретизации обобщенного». Привычные образы былин и сказок медленно, но верно наполняются реально-бытовыми подробностями, взятыми из современного сказителям быта. Былинный и сказочный мир модернизируется, осовременивается.

Записи сказок последних десятилетий пестрят такими переосмыслениями традиционных образов при помощи местного и преимущественно современного материала.

Герои сказок Коргуева, как правило, — люди, живущие на море и связанные с морем. Очень часто это не «герои вообще», действующие в некоем сказочном мире, а люди поэтизированного карельского Беломорья.

У наиболее одаренных сказителей такая конкретизация вполне органична, не приводит к разрушению цельности образов и сюжетов.

Для того, чтобы не утомлять примерами, я остановлюсь лишь на одном, но чрезвычайно показательном примере такой бытовой конкретизации.

Пудожский сказитель П. Н. Журавлев дал один из замечательных примеров реалистической переработки былины «Добрыня и Алеша» (Былины Пудожского края, № 64). История о неудачной женитьбе Алеши Поповича на жене Добрыни, уехавшего в царство Вахрамея Вахрамеева (см., напр., вариант Фофанова И. Т., тоже из Пудожского района) переосмысливается как рядовой случай из крестьянской жизни. Начинается война, и крестьяне собираются «в солдатики». Приехавший на побывку Алеша Попович уверяет Настасью Микулишну в том, что ее муж погиб. Настасья спрашивает совета у свекрови. Свекрови самой пришлось вдовствовать, поэтому она советует ей выйти замуж. В это время Добрыня узнает о том, что происходит дома, и возвращается. Свадьба Алеши расстроена.

Составители сборника «Былины Пудожского края» А. Д. Соймонов и Г. Н. Парилова совершенно справедливо отмечают «простоту, задушевность» и «эмоциональную насыщенность» образов этой былины.

Отработанное веками обобщение конкретизируется, наполняется реальным содержанием, но это уже реализм на более высокой ступени его развития, это уже элементы реалистической системы. Очень важно отметить, что русским сказителям Карелии в этом движении принадлежит почетное место.

* * *

Вместе с тем былинные и сказочные образы начинают разрабатываться и в ином направлении.

Исследователи уже давно обратили внимание на стремление сказителей конца XIX и особенно XX в. к отысканию психологических мотивировок действий сказочных и былинных героев.

В старой сказке и былине ее создателей, исполнителей и слушателей интересовал самый факт подвига или развитие сюжета. Сказителям последнего пятидесятилетия, и особенно сказителям советского времени, этого, оказывается, недостаточно. Действия героя должны быть психологически оправданы.

Так, в сказке М. М. Коргуева «Три царь-девицы» (№ 30), к текстам которого мы уже не раз обращались, родители отдают сына старику, потому что не могут его прокормить и выучить ремеслу; жена, чтобы получить от мужа волшебное платье, не просто его выпрашивает, а действует на самолюбие мужа: она одевается нарочно в самую плохую одежду, чтобы окружающие смеялись над его жадностью (см. примеч. А. Н. Нечаева, т. II, стр. 609).

Таких мотивировок не знала старая сказка. Совершенно так же психологизирован один из основных эпизодов сказки «Еруслан Лазаревич» (№ 36). Еруслан получает меч от головы Рослодея-богатиря, но из честолюбия, а с другой стороны, чтобы не потерять старшинства, не хочет обратиться к нему за советом, как убить Огненный Щит — Пламенное Копие. Такое описание переживания и колебаний героя необычайно показательно в интересующем нас плане.

В сказке «Андрей-стрелец» (№ 2) того же Коргуева, традиционное следование за разматывающимся клубком превращается в психологическое напряженное «хождение по мукам», как замечает А. Н. Нечаев в комментарии к этой сказке (т. I, стр. 618).

Об аналогичных процессах в области эпоса А. М. Астахова заключает: «Процесс этот — один из самых характерных для позднейшей стадии развития эпоса, и, главным образом, характерен для самых последних десятилетий» («Русский былинный эпос на Севере», стр. 77). И, действительно, например, в былине К. Д. Андреевны из Занежья «Добрыня и Алеша», Добрыня уезжает из дома, т. к. «надоело добру молодцу в углу сидеть, любоваться своей молодой женой» (стр. 78).

В былине П. Г. Горшкова из Космозера «Илья Муромец и Сокольник», когда Илья замахивается на неузнанного сына, последний закрывает глаза рукой от «страсти»; после боя Илья «измучился», напала на него «лень страшная»; сын с досады, что отец узнал его по перстню, бросает перстень в грязь и т. д.

В былине «Добрыня и Алеша» пудожской сказительницы Е. С. Журавлевой дается новая психологическая мотивировка извещения Добрыни о свадьбе его жены с Алешей голубями-вестниками: они летят не сами, а посылаются женой Добрыни (Былины Пудожского края, стр. 452).

А. М. Пашкова в былинку «Дунай» вводит характерный эпизод: литовский король в самый напряженный момент развития действия предается горю и отчаянию.

Он упал да на кровать да на тесовую,
Залился король да горькими слезами и т. д.

(Былины Пудожского края, № 49).

В ее же былине о Чуриле, Чурила поддается соблазну потому, что ему изменила «любушка» и т. д.

Сказителей все больше и больше интересуют психологические причины поступков их героев, их переживания и чувства.

В то время, как в былинах героического содержания случаи психо-

логизации единичны и неглубоки, их надо специально разыскивать, — в былинах-новеллах, насыщенных, главным образом, этической проблематикой, они представлены обильнее, встречаются даже случаи, когда психологическая разработка ситуации выдвигается на первый план, становится как бы важнее самого сюжета, события и поступки действующих лиц служат едва ли не просто отправными пунктами для развития психологических мотивов. Подобные случаи связаны, правда, с сильно индивидуализированными вариантами двух замечательных сказительниц Карелии И. А. Федосовой и Н. С. Богдановой, однако это не ставит эти тексты вне закономерностей общего развития.

В былине Федосовой «Добрыня и Алеша» сказительницу чрезвычайно занимает психологическая суть каждой ситуации, которая складывается в процессе развития действия. Рассказывая, например, о прощании Добрыни с родными, она подробно вырисовывает разницу между переживаниями матери и жены Добрыни и т. д.

Совершенно такая же картина и в ее плачах. Так, из плача «О потопших» мы очень мало узнаем об оплакиваемых покойниках-потопших: Федосову волнуют переживания девушки, выброшенной на безлюдный остров и оставшейся в живых. Она мечется по берегу, вне себя от ужаса потери отца и брата, гадает, в какой же стороне ее дом; ждет смерти, пока не спасают ее случайно услышавшие ее голос рыбаки.

В другом плаче «По брате родном» Федосову интересуют переживания сестры покойного, родные которой не верят в искренность ее чувств и т. д.

Во всех приведенных примерах ясно ощущается потребность сказителей как бы «оживить» и «очеловечить» своих героев, понять их личные побуждения, чувства.

Психологизация, раскрытие внутреннего мира героев — одно из важнейших завоеваний русского устного народного творчества.

Русские сказители Карелии проделали большой путь в этом направлении, и в лице Федосовой, Богдановой и ее учеников (см. работу В. И. Чичерова — Школы сказителей Заонежья), в лице Коргуева, Господарева, Пашковой и многих других добились на этом пути замечательных успехов.

* * *

Развитие приемов социально определенного образного мышления, бытовой конкретизации обобщенного и психологизации основных образов и ситуаций приводит к выработке важнейшей категории реалистического искусства — категории характера.

Исследователи русского фольклора неоднократно отмечали стремление современных сказителей к усложнению традиционных сюжетных схем, былин и сказок, сплетению двух, а иногда и трех сюжетов воедино, введение новых мотивов и эпизодов, т. е. стремление к тому, что в специальной литературе называется «контаминированием». Совершенно справедливо отмечался в основном творческий характер таких контаминаций. Однако следует изучить не только их природу, но и направленность, их историко-фольклорный смысл.

Как справедливо отмечает А. М. Астахова, все случаи контаминации былин можно разбить на две большие группы — первая из них зиждется на биографическом принципе. Воедино объединяются сюжеты, повествующие о подвигах одного богатыря.

Так создались большие «сводные» былины об Илье Муромце, так объединяются воедино бытовавшие ранее былины о Добрыне, Василии Буслаевиче и других богатырях. Возникает былина о детстве Ильи Муромца, о его женитьбе, о гибели богатырей и т. д.

Вторая группа — контаминации, построенные по принципу нанизывания различных, иногда даже разнородных приключений. Этот принцип особенно культивировался Толвуйско-Космозерской школой (по классификации В. И. Чичерова), крупнейшим представителем которой был известный Калинин. Так, например, в его былине «Садко и Вольга» (Гильф., № 2) связываются в одну цель несколько сюжетов — спор Садко с Новгородом, бой на Волховском мосту, Вольга и Микула, состязание конями и поездка Буслаева (Вольги).

Обе группы объединяет ослабление интереса к единичному подвигу. Центр тяжести переносится в первом случае на образ богатыря, во втором — на сюжет, построенный авантюрно.

Для нас особенно интересна первая группа (тем более, что на нее падает около 89% всех контаминаций), в которой образ богатыря становится важнее его единичного подвига. О богатыре нужно узнать все — от его рождения до смерти (см. вариант П. Г. Горшкова), важен характер богатыря, который проявляется в его подвигах.

Параллельно создаются новые былины, повествующие о встречах, ранее не сталкивавшихся друг с другом богатырей — Дюк встречается с Ильей (Рыбников, № 130 и 131; Гильф., № 218), Бутман с Васькой-пьяницей, т. е. чувствуется необходимость выяснения взаимоотношений между богатырями в процессе дальнейшего дифференцирования их характеров.

Не случайно большинство контаминаций падает на двух центральных героев русского эпоса — Илью Муромца (35%) и Добрыню (22%).

Совершенно таков же характер и сказочных контаминаций, хотя и следует отметить, что в сказке обильнее случаи усложнения сюжета ради усиления его занимательности.

С другой стороны, сказка добивается обрисовки характера и иными средствами.

В сказке Коргуева (№ 22) «Матюша Пепельной — Налитуровый колпак» герои, как отмечает А. Н. Нечаев, уже не сказочные «маски» — носители определенной идеи, а яркие, сатирические зарисовки социальных образов. Сказка строится на столкновении двух характеров — царевича и слуги, наделенного «волшебной силой» (т. 1, стр. 639).

В сказке «Учитель и ученик» нарисован замечательный образ любящей матери, который устойчиво проходит через всю сказку. Больная вдова не хочет отдавать сына на тяжелую работу, потому и идет на многие жертвы и т. д. Однако следует подчеркнуть, что характеры героев, несмотря на свою яркость, в большинстве своем еще примитивны. Они примитивны, прежде всего, в силу своей статичности, в них нет не только развития, но и просто движения. Герои совершают подвиги, переживают приключения, но сами остаются прежними, их качества не изменяются. Тем не менее, это огромное завоевание и тем самым большая заслуга русских сказителей Карелии, бывших ведущим отрядом русских сказителей и в этом отношении.

Я не имею возможности подробно останавливаться на других проблемах, связанных с вызреванием элементов реализма в русском народном творчестве и с ролью русских сказителей Карелии в этом процессе.

Укажу лишь на две стороны этого процесса, не анализированные мною выше:

1) Стирание жанровых границ. Более или менее четкое деление на жанры становится с течением времени весьма условным. Жанры, связанные прежде с обрядом, отрываются от него и приобретают самостоятельную художественную функцию. Стирается граница между былиной и балладой, а для юга России — даже между былиной и лирической песнью. Сказочные сюжеты подчас перепеваются былиной, былины нередко рассказываются сказкой. Создается обширный жанр сказа, включающий в себя трансформированную былинку, трансформированную сказку, песню, причитание.

2) Фольклорный процесс становится все менее стихийным и все более сознательным. Все чаще появляются сказители, осознающие себя не только исполнителями, но и творцами, сознательно вмешивающиеся в текст исполняемых ими традиционных произведений — Федосова, Сорокин, Шеголенок, Богданова, Пашкова и др.

В советское время это выливается в широкое новотворчество в большинстве традиционных жанров.

* * *

Перехожу к некоторым проблемам русского советского фольклора Карелии. В данном случае я разумею произведения на советскую тематику; о судьбе традиционного фольклора в советское время я уже говорил.

В советское время, давшее невиданные дотоле возможности развития народных талантов, необыкновенно оживляется новотворчество. Нельзя указать другие 30 лет в истории русского фольклора, которые дали бы такое количество новых тем, новых сюжетов, так обновили бы репертуар русского крестьянства Карелии.

Процессы, протекавшие в дореволюционные годы с медленностью геологических процессов, в советское время становятся заметными без специальных изучений. Устное творчество, претерпевая не меньшие изменения, чем все другие области экономической, общественной и духовной жизни крестьянства, приобретает совершенно новые качества. Повышается общественный интерес и внимание к проблемам фольклора. Фольклористами, работавшими в Карелии в 30-х — 40-х гг., собирается и издается такое количество произведений устного народного творчества, какое не было собрано и издано тремя поколениями дореволюционных фольклористов. Русские сказители Карелии становятся известными далеко за пределами республики. Сказители выходят из узкого, ограниченного семейного или, в лучшем случае, сельского мирка; они обретают всеобщую аудиторию — их не столько слушают, их читают, их видят в кино и слышат по радио. На всесоюзных, республиканских конференциях они встречаются со сказителями других областей и республик. Все это необычайно повышает роль русских сказителей Карелии в общерусском народном творчестве. Выйдя на всесоюзную арену, сказители поняли всю ответственность стоящих перед ними задач. На внимание и заботу партии и правительства они, каждый в меру своих сил, ответили созданием песен, сказок и былин, отражающих дела и дни великой сталинской эпохи.

В центре новотворчества — два героя нового советского эпоса —

Ленин и Сталин, в центре внимания сказителей — великие перемены, происходящие в нашей стране, их излюбленная тема — любовь к Родине, верность советскому народу.

Новая тематика, новая жизнь требовали новых стилистических средств, требовали выработки новых приемов художественно-образного мышления.

Наступает заключительный эпизод сближения двух великих культур художественного слова — книжной и устной; и та и другая своими средствами, все больше сближаясь друг с другом, вырабатывают методы новой реалистической системы — социалистического реализма.

Русским сказителям Карелии принадлежит в этом движении роль передового отряда. Здесь делаются первые попытки создания былин на советскую тематику (Пашкова, Рябинин-Андреев, Фофанов, Туруев, Журавлева, М. К. Рябинин и др.), здесь складываются одни из первых советских сказок (Конашков, Господарев, Свиньин и др.), складываются стихотворные сказы о вождях и героях (Пашкова, Журавлева, Конашкова, Ватчиева, Быкова и др.), плачи о Ленине, Кирове, Крупской, Калининне, героях Отечественной войны, павших в боях за Родину.

Процессы, намеченные нами в предыдущем изложении, находят свое закономерное завершение.

Подводя итоги длительному пути развития русского фольклора Карелии, советский русский фольклор Карелии явился одновременно и качественно новым этапом его развития.

В процессе новотворчества резко изменяется вековое соотношение личного и традиционного в фольклоре, наиболее одаренные сказители осознают себя творцами, осознают свою роль в развитии народного творчества. Характер их творчества во многом приближается к творчеству советских писателей.

Наивная вера в правдивость сказки и былины уступает место сознательному использованию сказочной и былинной формы, как стилистического средства. Отсюда все усиливающееся аллегорическое толкование старой сказки, создание новых сказок — аллегорических в полном смысле этого слова — «Самое дорогое» Конашкова, сказок Господарева «Как мужик и рабочий правду искали», «Красные орлята», сказки Свиньина «Ледяное царство» и др.

В советское время проблема характера получает свою дальнейшую разработку не только на традиционном, но и на новом, советском, по своей тематике материале. В новых сказках уже нередко динамично построенные образы героев. Правда, в героических сказках типа коргуевского «Чапаева» центральный образ попрежнему статичен, однако, в цикле сказок, повествующих о перерождении сознания людей, объединяющих эти сказки с большой темой воспитания нового сознания в советской литературе, налицо совершенно новое, несвойственное старому фольклору движение характера.

Так, в сказках Господарева — «Как мужик и рабочий правду искали» или «Как Марья с Иваном сравнялись», в сказке Конашкова «Самое дорогое» — герои, переживая серию приключений, меняются и сами, становятся советскими людьми, приходят к новым убеждениям. Сюжет в этом случае — средство для вырисовки процесса формирования их сознания. Это уже в полном смысле слова — реалистические сказки, это качественно новый этап развития русской сказки.

Былина приобретает все больше лирических черт, сливаясь со стихотворным сказом. Большое будущее имеет новая песня, рожденная

советским временем. Песни, написанные советскими поэтами, становятся народными, записываются в тысячах вариантах, перетекстовываются, шлифуются и улучшаются всем народом. Так, по подсчету проф. И. Н. Розанова в годы Великой Отечественной войны бытовало не менее 42 разновидностей известной песни Исаковского «Катюша».

С другой стороны, на наших глазах начинают распространяться песни сказителей-песенников. Так, например, песни беломорского песенника Ф. И. Башмакова «Ковер-самолет», «Ковер» и другие уже поют во многих селах Беломорья; они известны в Петровском районе, поются в Архангельской области. Исполнение их Петровским хором и «Кантеле-ансамблем» обеспечат им дальнейшее распространение.

Подводя итоги всему сказанному выше, мы можем дать предварительное определение роли русского фольклора Карелии в русском народном творчестве: она выразилась в том, что русские сказители Карелии были в первых рядах создателей нового в фольклорном процессе последнего столетия; сохраняя наследство, они умели не «ограничиваться наследством», активно участвовали в движении к новым, еще более высоким формам реалистического искусства.